

рафия. Анализ визуального образа провели также М. А ф а й я из Марокко («„Другой“ в кинематографическом воображении магрибинца»), С. М. Червоная и Е. Зайцев («Образ „другого“ в русской живописи XX в.»). Авторы последнего доклада на многочисленных примерах доказали, что открытость русской живописи по отношению к мировому искусству имеет глубокие корни. Образ «другого», появившийся на полотнах русских художников с XIX в., свидетельствует об универсализме русской художественной культуры.

Доклады об образе другого в литературных произведениях были представлены арабскими учеными и по сути свелись к той же рефлексии по поводу «арабскости» в соотношении с Западом, о которой мы уже говорили. Ф. А л ь-А й н а и н (Каир) раскрывает концепцию человека, культуры, истории, прогресса, выраженную в творчестве арабского романиста, и показывает, как устанавливаются отношения «я» (араб) — «другой» (Запад). М. М а н а и из Туниса продемонстрировал, как один и тот же арабский интеллектual смог создать два совершенно различных образа Запада — негативный в поэзии и позитивный, даже идолопоклоннический в прозе. Связано ли это с тем, что поэзия является имманентной частью арабской культуры, в то время как роман — форма, заимствованная из западной литературы?

Х. Х е л и л (Тунис) ставит вопрос об условиях производства адекватного образа «иног». По его мнению, палестинцы, читающие роман Ж. Жене «Пленник любви», узнают себя в созданных автором образах — случай редкий для произведения европейского писателя. Хелил высказывает предположение, что лишь вечный бродяга, каким был Жене, мог проникнуть в душу народа, лишенного своей земли, а протест самого автора против Америки и Запада привлек его к революционной борьбе палестинцев. Хелил упрекает арабских писателей, не сумевших создать о палестинцах произведения на уровне «Пленника любви», и тем самым противопоставляет палестинцев «другим арабам», показывая раскол в арабском мире.

В результате прослушанных докладов арабских ученых у нас сложилось впечатление, что социология для них не вычленена из широкой интеллектуальной традиции — литературной критики, анализа текста, философского размышления. Западная социология проделала путь от своего обособленного существования как самостоятельной дисциплины до синтеза с другими формами познания мира. Это скорее не социология, а социальная мысль. Арабская же социология, не пройдя через эти этапы, вписалась в наиболее популярные с недавнего времени на Западе тенденции — смешение научного и художественного жанров.

К некоторой иносказательности, метафоричности социологического рассуждения располагает и политическая ситуация в арабском мире. При всем различии режимов все они, как нам говорили наши арабские коллеги, далеко не благоприятны для конкретных социологических исследований и прямой социологической речи. Объективные условия существования социологии в арабских странах мало назвать трудными. Нам удалось увидеть лишь самую вершину айсберга. На конференции почтили память алжирского коллеги, убитого за неделю до этого исламскими фундаменталистами. Женщина-социолог из Ирака с трудом смогла выбраться из страны и добралась в Хаммамет лишь к концу заседаний.

Сложность и политическая разобщенность арабского мира заставляют искать единство в общей культуре и истории. Конференция «Образ „другого“» дала возможность арабским социологам порассуждать о себе и просто собраться вместе. При том что не все задуманное организаторами удалось так, как им хотелось, конференция была интересным явлением международной социологической жизни. А дружелюбие, теплота и гостеприимство хозяев встречи сделали ее и приятным событием в жизни участников.

В. В. Коротеева, Е. В. Макарова

© 1994 г., ЭО, № 1

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ АНТРОПОГЕНЕЗА И ПРОБЛЕМА РАССЕЛЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ГОМИНИДОВ

С 14 по 20 июня 1993 г. в подмосковном пансионате Салтыковка проходил Международный симпозиум «The Human Tide — Human Colonization and the Paleolithic Archaeological Record», что очень приблизительно можно перевести как «Первичная динамика человечества: колонизация суши людьми и данные палеолитической археологии». Симпозиум был организован Лабораторией эволюционной географии Института географии РАН (проф. А. А. Величко) и кафедрой антропологии Иллинойского университета США (проф. О. Соффер) на средства фонда антропологических исследований Веннер-Грена. В симпозиуме участвовали 29 специалистов из Австралии, Великобритании, Грузии, Дании, России, США и Франции.

Основная цель симпозиума — поиск междисциплинарных путей решения проблемы расселения гоминидов в эпоху палеолита. Прозвучавшие здесь доклады можно подразделить на несколько тематических подгрупп: 1) археологические свидетельства распространения гоминидов в различных

регионах земного шара (Африке, Евразии, Австралии и Америке); 2) палеоантропологические данные о времени возникновения и характере взаимодействия различных групп гоминидов и проблема происхождения человека современного вида; 3) связь антропологического типа с техникой изготовления орудий; 4) материалы популяционной генетики как средство реконструкции процессов расселения человека в палеолите; 5) биологические механизмы дисперсии и роль социального поведения в экспансии гоминидов по земному шару.

А. Брукс (США) рассмотрела миграции гоминидов на территории Африки и их экспансии в Азию и Европу. Низкий уровень развития техники и познавательных способностей ранних гоминидов не позволяли им использовать территории, занятые тропическими лесами, однако в результате изменения климата и опустынивания Африканского континента появлялось все больше благоприятных мест для обитания, которые постепенно заселялись гоминидами. Докладчик выделяет три этапа экспансии человека: 1) распространение *Homo erectus* от семиаридных африканских тропиков до Северной Африки и Передней Азии; 2) заселение центральноафриканских тропических лесов и южного побережья; заселение Европы; 3) широкая экспансия современного человека по планете. А. Брукс привела новейшие археологические сведения, подтверждающие теорию африканского происхождения человека.

О результатах взаимоотношений неандертальцев с людьми современного типа говорили в докладах Т. Симмонс (США) и А. Г. Козинцев (Россия). Т. Симмонс представила доклад «Позднеледниковые зоны гибридизации в Леванте и Северной Африке: павиановая модель и обособление видов», в котором доказывает, что полиморфизм позднплейстоценовых гоминидов Ближнего Востока объясняется гибридизацией. Изменения природной среды обусловили миграцию неандертальцев в Левант после оледенения Европы; приблизительно в это же время вследствие процесса опустынивания Сахары сюда же мигрировали из Центральной Африки люди современного типа. Докладчик анализирует миграционную модель демографической диффузии, объясняющую процесс смешения двух групп гоминидов. А. Г. Козинцев в докладе «Переход от неандертальцев к людям современного типа в Восточной Европе» предположил, что некоторые неандертальские популяции приобрели сапиентные черты вследствие полового отбора в процессе метисации с верхнепалеолитическими людьми — мигрантами в Европу с Ближнего Востока, в соответствии со стандартами красоты. Начало этого процесса документируется находкой в Сен-Сезере, конец — находками в Сунгире. Физический же тип пришельцев в наибольшей степени сохранился у людей из Младеча и Пржедмости — вероятных потомков древнейших ближневосточных неантропов группы Схул-Кафзех.

Независимо и на основании совершенно иных (археологических) данных к очень сходным выводам пришел М. В. Анникович (Россия) в докладе «Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы (аккультурационная модель)». По его мнению, процесс заимствования неандертальцами у пришлого населения передовой верхнепалеолитической культуры сопровождался процессом сапиентации. Сопоставление двух последних докладов показывает, что давнее противоречие между археологами, обнаруживающими преемственность от мустье к некоторым культурам верхнего палеолита, и антропологами, указывающими на резкую морфологическую грань между неандертальцами и основной массой неантропов, близится к разрешению. Вся совокупность новых данных свидетельствует в пользу компромиссной теории широкого моноцентризма, выдвинутой полвека назад Я. Я. Рогинским. Впрочем, масштабы вовлеченности палеантропов в процесс сапиентации все еще неясны.

Большинство докладов было посвящено вопросам заселения различных регионов земного шара. В докладе Г. П. Григорьева (Россия) снова прозвучала идея об африканской прародине человека и о ведущей роли археологических материалов для восстановления процесса расселения человечества. Весьма важны в этой связи представленные автором данные о трех вариантах ашеля. Сообщение Л. Лордкипанидзе (Грузия) о заселении гоминидами территории Кавказа содержало крайне интересный для антропологов материал о находке нижней челюсти гоминида, принадлежавшего, как предполагается, переходной форме от *Homo habilis* к *Homo erectus*, на реннепалеолитической стоянке Дманиси, предполагаемая дата которой — 1,8 млн. лет — вызвала у ряда участников симпозиума большие сомнения. По мнению докладчика, заселение Евразии происходило через Кавказ. С. А. Лаухин (Россия) в докладе «Особенности заселения Северной Азии палеолитическим человеком» предлагает разделить все существующие на этой территории памятники на четыре группы: 1) домустьерские, отражающие лишь следы эпизодических посещений Северной Африки гоминидами; 2) мустьерские, тяготеющие к южному горному поясу и отражающие первый этап более прочного заселения Северной Азии, продолжающийся около 400 тыс. лет и завершившийся 38 тыс. лет назад; 3) памятники начала и середины позднего палеолита, характеризующие второй этап заселения, охвативший нагорья Северной Азии; 4) памятники второй половины позднего палеолита, связанные с заселением равнин.

Д. Олсен (США) сделал доклад «Ранняя первобытная история Китайской Центральной Азии», в котором попытался приурочить этапы заселения указанной территории к различным периодам плейстоцена. По мнению Х. А. Амирханова (Россия), некоторые аспекты функционирования верхнепалеолитических стоянок в горных пустынях Южной Аравии можно изучать с использованием этнографических данных, полученных у современных групп кочевников-скотоводов юга Аравии. В силу отчетливой преемственности материальной культуры в этом регионе, начиная с верхнего палеолита до наших дней, можно реконструировать характер верхнепалеолитических поселений. Датский археолог Б. Греннов изложил чрезвычайно впечатляющие результаты раскопок двух стоянок культуры Саккак (II тыс. до н. э.) в Западной Гренландии. Эти данные существенно расширяют наши представления о материальной культуре и быте палеоземских и, возможно, позволяют понять, почему эти люди оказались способны к столь быстрой и успешной экспансии, заселив все районы Гренландии за очень короткое время.

Австралийский археолог Р. Джонс представил новые данные о времени заселения Австралии.

Термолюминесцентные датировки со стоянки Малакунья в районе Какаду на севере континента показывают, что первые следы человека уходят на глубину 57 тыс. лет. Докладчик полагает, что материальная культура этой стоянки сходна с культурой современных австралийских аборигенов. Вполне возможно, что уже в этот период люди пользовались природными красителями для раскрашивания тела или наскальной живописи. Проблема заселения Америки обсуждалась в докладе Р. Келли (США) «Система жизнеобеспечения у охотников-собирателей и заселение западного полушария». По мнению докладчика, заселение Северной Америки происходило не ранее 15 тыс., а возможно, и около 12 тыс. лет назад, и первым достоверным населением следует считать носителей культуры Кловис. Скорость заселения Северной Америки — 11—18 км в год — была много выше, чем темп продвижения людей по Сибири.

Интереснейшей проблеме коэволюции человека и окружающей среды было посвящено несколько докладов. А. А. Велчко (Россия) указал на признаки совпадения основных этапов развития человека и его материальной культуры с критическими периодами в истории природы. Докладчик, однако, не считает изменения в состоянии природы главными детерминирующим фактором и выдвигает идею природно-климатического отбора. В докладе О. Соффер (США) «Динамические ландшафты и позднплейстоценовая социальная география: сравнение Кловиса и Костенок» анализируются общие экологические принципы, определяющие передвижение охотников-собирателей. Данные по культурному комплексу Кловис демонстрируют модель перемещения группы охотников-собирателей по незаселенной местности Северной Америки. Европейские же материалы (культурный комплекс Костенок) позволяют считать, что группы людей из Центральной Европы перемещались в Восточную и вступали в контакт с уже существующим здесь местным населением: на востоке Русской равнины, где природные ресурсы были сходны с моравскими, пришлые группы сохраняли привычную культуру, тогда как в среднем течении Днестра происходила быстрая аккультурация. Ж. Рено-Мисковски (Франция) представила доклад «Коэволюция природной среды и расселение человека в Средиземноморском бассейне».

Значительный интерес представляет доклад Ю. Н. Грибченко и Е. Н. Куренковой (Россия) «Условия обитания и расселения позднпалеолитического человека в Восточной Европе». Авторы показывают, что основной этап глубокого проникновения палеолитических людей на территории Русской равнины относится к последней ледниковой эпохе. Наиболее благоприятными для обитания первобытного человека в период от позднего плейстоцена до голоцена были южные лесостепные и степные территории, а наименее благоприятными — северные и северо-западные, заболоченные вплоть до начала голоцена. К. В. Кременецкий (Россия) показал, что природные условия палеолита и мезолита степной зоны Казахстана были достаточно благоприятными для существования небольших групп охотников-собирателей. Как показывают материалы Л. Д. Сулержицкого (Россия), радиоуглеродные методы датирования костных останков животных, в частности мамонтов, могут дать принципиально новую информацию о динамике биогеоценозов прошлого. Так, все пункты находок мамонтов, имеющие возраст менее 12 тыс. лет, располагаются севернее Полярного круга.

Два доклада были посвящены проблемам использования методов популяционной генетики для моделирования процессов расселения человека по земному шару. В. А. Спицын (Россия) в докладе «Особенности действия максимально возможного потенциального отбора в мировом народонаселении» предположил, что существует определенный экологический оптимум для популяций, занимающих промежуточное положение между высокоразвитыми индустриальными сообществами и коллективами охотников и собирателей. Это связано с размерами групп и темпом воспроизводства населения. Доклад Е. В. Балановской и Ю. Г. Рычкова (Россия) «Генофонд человека на этапах освоения ойкумены: адаптивная эволюция и геногеография» был посвящен реконструкции генетических особенностей древнего человечества на различных стадиях его существования. Основой для такой реконструкции послужили данные о распределении 49 генов в 800 современных группах, причем особое внимание было уделено определению степени адаптивности генов. В докладе прозвучала идея о локализации прародины человечества в Евразии. В качестве основного аргумента докладчики выдвинули положение о том, что генофонд Евразии занимает центральное положение в пространстве генных частот. Идея эта, однако, вызвала у целого ряда участников симпозиума (как антропологов, так и археологов) серьезные возражения. В ходе развернутой дискуссии приводились веские аргументы в пользу африканского центра происхождения человека.

В ряде докладов были рассмотрены биологические механизмы, способствующие адаптации человека к новым условиям среды обитания на разных этапах. В докладе Т. А. Алексеевой (Россия) «Расселение древнейшего человечества и биологическое приспособление к географической среде в процессе антропогенеза», написанном совместно с В. П. Алексеевым, обсуждалась проблема прародины человека. Было показано, что поиски прародины должны концентрироваться в тропическом поясе, поскольку только он был освоен человеком в нижнем палеолите. Изначальным адаптивным комплексом в докладе назван тропический. В эпоху среднего палеолита должны были складываться комплексы приспособлений к умеренному, континентальному и высокогорному биотомам. Комплекс арктических адаптаций, вероятно, является наиболее поздним. Он сложился в эпоху верхнего палеолита.

Р. Фоули (Великобритания) в докладе «Эволюционная экология биологического расселения: сравнительные перспективы по расширению ареала гоминидов» продемонстрировал перспективность использования принципов сравнительной эволюционной экологии для реконструкции процессов расселения гоминидов. Фоули выделяет ряд общих условий, при которых у различных видов животных происходят экспансии. К ним относятся внутренние свойства вида (темп размножения, эврипотность, социальное поведение), а также средовые факторы (изменение природных условий, сходство мест обитания на прилегающей территории). Докладчик доказывает, что те же факторы могли быть значимы и для расселения человека. М. Л. Бутовская (Россия) посвятила доклад факторам поведения, способствующим адаптации ранних гоминидов. Универсальными исходными чертами гоминидных сооб-

ществ докладчик считает высокую социальность, внутригрупповую терпимость, эгалитарность иерархических отношений, развитые родственные связи. Группы гоминидов были мультисамцовыми, но в зависимости от пространственного распределения пищевых ресурсов и возможности их монополизации, а также от наличия сезонности репродуктивные модели могли варьировать в широких пределах (от промискуитета до полигамии и сериальной моногамии). Доклад был иллюстрирован выполненной автором пластической реконструкцией миоценового дриопитека.

В докладе Е. И. Балахиной и В. М. Харитоновой (Россия) «Эволюционные и экологические аспекты роста и развития гоминидов» были показаны возможности использования данных возрастной антропологии для изучения эволюции человека. По мнению докладчиков, существовал ряд факторов, способствовавших эволюционному успеху человеческой модели роста: 1) адаптация к грубой пище и замедление прорезывания зубов; 2) малые размеры тела и позднее половое созревание; 3) раннее созревание мозга. Сочетание этих факторов привело к удлинению периода детства, уменьшило соперничество между возрастными когортами и в конечном счете повысило жизнеспособность коллективов ранних гоминидов. Наконец, А. Тернер (Великобритания), исходя из теории африканской прародины современного человечества, сравнил экологическую нишу гоминидов с нишей крупных хищников и вновь привлек внимание к гипотезе о ведущей роли групповедения на ранних этапах антропогенеза.

Симпозиум прошел чрезвычайно продуктивно и в очень дружелюбной обстановке. Можно надеяться, что он способствовал синтезу данных, которые накопили специалистами разных областей, занимающимися проблемами эволюции человека.

М. Л. Бутовская, А. Г. Козинцев

© 1994 г., ЭО, № 1

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕСТЬ П. Г. БОГАТЫРЕВА

В середине февраля 1993 г. в Санкт-Петербурге состоялась трехдневная научная сессия, приуроченная к 100-летию со дня рождения выдающегося русского этнографа, фольклориста и театроведа П. Г. Богатырева. Сессию созвали восточнославянская секция Комиссии по славянскому фольклору при Международном комитете славистов, научный семинар «Обряд и фольклор» при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого и научный семинар «Народная культура славян» при Российском этнографическом музее.

Сессию открыл заместитель директора Российского института искусствознания Ю. А. Смирнов-Несвицкий (институт предоставил свое помещение для заседаний), который напомнил, что в Зеленом зале, где собрались участники сессии, в 1971 г. прошла первая международная научная конференция, посвященная проблемам фольклорного театра, где состоялось последнее публичное выступление П. Г. Богатырева (с докладом об обрядовых масках). Он отметил огромное значение деятельности П. Г. Богатырева для наук, изучающих народную культуру, в частности зрелищно-игровую культуру, а также для всего искусствознания, особенно для театроведения.

Выступления на первом заседании были посвящены научной деятельности и биографии П. Г. Богатырева.

Б. Н. Путилов (С.-Петербург) во вступительном слове охарактеризовал своеобразие личности П. Г. Богатырева как человека и исследователя. В. Е. Гусев (С.-Петербург) в докладе «П. Г. Богатырев — выдающийся фольклорист XX века» осветил вклад ученого в славистическую фольклористику, методологию его исследований, значение его трудов для современной науки¹. С. П. Соркина (Москва) в докладе «Функциональный метод в малоизвестных работах П. Г. Богатырева» рассмотрела проблематику, содержащуюся в статьях П. Г. Богатырева, опубликованных в зарубежных славистических изданиях 1920—1930-х годов и до сих пор не переведенных на русский язык: «Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь (Опыт статического исследования)», «Этнологическая география и синхронистический метод», «О структуральной этнографии», «Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики» и др. В этих работах П. Г. Богатырев впервые применил и оригинально разработал функциональный метод. Он анализировал источники и основные принципы метода, соотношение функционального и синхронного подходов к изучению фольклорной традиции, связь фольклорно-этнографического факта с системой, в которой он функционирует, проблему взаимозависимости формы и функций фольклорного произведения, осветил перспективы функционального метода в этнографии и фольклористике². А. М. Решетов (С.-Петербург) ознакомил аудиторию с письмами П. Г. Богатырева к Д. К. Зеленину, обнаруженными докладчиком недавно в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН в фонде выдающегося этнографа и фольклориста члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина. Сохранилось около 50 писем, первое из них написано 13 сентября 1917 г., последнее — 3 ноября 1948 г. Уже первые письма дают представление о П. Г. Богатыреве как о ярком, самобытном, разностороннем ученом-лингвисте, фольклористе, этнографе. С 1921 по 1940 г. П. Г. Богатырев жил за границей, преимущественно в Чехословакии. В письмах зарубежного периода содержится ценнейшая информация о состоянии славистики в ряде стран Восточной и Центральной